
Красная армия и срыв замыслов германского командования на участке Воронежского фронта летом 1943 г.

Валерий Замулин

The Red Army and the disruption of the plans of the German command in the Voronezh front sector in the summer of 1943

*Valery Zamulin
(Southwest State University, Kursk, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020155, EDN: HNSZQY

В настоящее время в истории летней кампании 1943 г. на советско-германском фронте (прежде всего, событий под Курском), которая по праву считается коренным переломом в Великой Отечественной войне, наиболее изучены первоначальные планы Вермахта и Курской оборонительной операции Красной армии, а также боевые действия в полосе Воронежского фронта. Тем не менее и здесь по-прежнему остаётся ряд крупных сюжетов и проблем, на которые исследователи ещё не обратили должного внимания. Так, практически не освещён в историографии окончательный вариант операции «Цитадель», утверждённый в Берлине непосредственно перед её началом. Даже в специализированных изданиях замысел этой последней стратегической наступательной операции Вермахта на советско-германском фронте обычно представляется довольно схематично, лишь как встречные удары двух группировок, сосредоточенных у основания Курского выступа, — северной, состоявшей из войск 9-й армии (А) группы армий (ГА) «Центр», и южной — 4-й танковой армии (ТА) и армейской группы (АГ) «Кемпф» ГА «Юг», — с целью окружения Центрального (генерал армии К.К. Рокоссовский) и Воронежского (генерал армии Н.Ф. Ватутин) фронтов.

Однако, кроме трёх указанных объединений, в наступлении должна была принять участие и 2-я полевая армия (2А), которой командовал генерал пехоты В. Вайс. Она занимала оборону в западной части Курской дуги и подчинялась ГА «Центр». Некоторые советские историки, опираясь на оперативный приказ А. Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 г., писали, пусть и очень скупо, про намерение Берлина использовать войска Вайса на завершающем этапе «Цитадели», но о планах ввести их в сражения в самом начале операции не упоминалось¹. Между тем подобный удар с запада в направлении Курска, фактически встык Центрального и Воронежского фронтов, безусловно, мог существенно осложнить положение Красной армии, привести к распылению её резервов и значительно большим потерям. Обнаруженные мной в Федеральном архиве Германии ранее неизвестные документы подтверждают, что германское командование рассчитывало именно на такое развитие событий. При подготовке летней кампании 1943 г. предполагалось активно использовать 2А ещё до полного замыкания «кольца» вокруг двух советских фронтов под Курском. Причём, хотя планы

© 2024 г. В.Н. Замулин

¹ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М., 1970. С. 42, 43.

боевых действий её соединений (получившие кодовое обозначение «Витамин А» для 13-го армейского корпуса (ак) и «Витамин Б» — для 7 ак), как и вся «Цитадель», разрабатывались и корректировались довольно долго — с марта и до первых чисел июля 1943 г., — тем не менее к началу общего наступления на Курск они были полностью расписаны, а дивизии, выделенные для прорыва обороны, приведены в максимальную степень готовности. Сравнительный анализ этих материалов и советских документов, недавно рассекреченных Центральным архивом Министерства обороны РФ, позволяет понять, как благодаря беспримерной стойкости и мужеству солдат Воронежского фронта удалось остановить главную группировку сил противника на обоянском направлении и тем самым предотвратить удар 2А.

2-я полевая армия была сформирована в октябре 1939 г. на западе Германии. Впервые её соединения использовались при захвате Франции и Югославии, а с июля 1941 г. сражались на Восточном фронте. Осенью они отличились в ходе операции «Тайфун», при разгроме Брянского фронта, а летом 1942 г., во время наступления на Воронеж, успешно действовали на левом крыле ГА «Б». Однако в начале 1943 г. в том же районе армия потерпела сокрушительное поражение, основная часть её дивизий, вместе со 2-й венгерской армией, попала в окружение у Касторного и Горшечного. В результате ожесточённых февральских боёв им удалось вырваться, но потери, прежде всего в личном составе и тяжёлом вооружении, оказались очень большими.

В конце марта — начале апреля, при стабилизации оперативной обстановки в центре советско-германского фронта, 2А находилась на крайнем правом крыле ГА «Центр» и занимала оборону в западной части Курской дуги, против войск Центрального и Воронежского фронтов. Такое расположение заставляло Берлин учитывать силы Вайса при любом плане активных боевых действий в этом районе. Единственным, но очень существенным, ограничением для этого оставалась их низкая боеспособность. Поэтому на протяжении всего периода подготовки удара на Курск и командование армии, и руководство ГА «Центр» пытались определить, в какой форме использовать войска 2А и когда — на заключительном этапе — при окружении двух фронтов или в первые же дни операции — для нанесения сковывающих ударов.

Первым идею использовать армию Вайса совместно с войсками его ГА «Юг» для окружения Воронежского фронта южнее Курска выдвинул фельдмаршал Э. фон Манштейн. Во время встречи с Гитлером 8 марта 1943 г. он рекомендовал нанести одновременно два удара: с запада — 2А и с юга — силами ГА «Юг». В результате Курская дуга рассекалась бы на две части, а практически весь Воронежский фронт, оборонявший её южную половину, попадал в «кольцо». Однако Гитлер этот вариант не принял. В тот момент ему была нужна операция большего масштаба, которая позволила бы нанести более значительные потери Красной армии и имела бы совсем иной пропагандистский эффект. Этому более соответствовало предложение, выдвинутое через два дня генерал-полковником Г. Шмидтом, командовавшим 2ТА ГА «Центр». Им намечались два встречных удара в направлении Курска, но с севера и юга, из района Орла и Белгорода², т.е. окружение не одного, а сразу двух фронтов. При этом также предусматривалось участие 2А, но из её войск формировалась не одна из двух главных ударных группировок, а третья, вспомогательная, которой предстояло

² Bundesarchiv-Militärarchiv (далее — BA-MA), RH. 21-2/V433, S. 11–13.

на заключительном этапе операции как можно быстрее уничтожить окружённые силы и оперативно создать прочную систему обороны на новых рубежах. 10 марта на совещании в Смоленске Гитлер ознакомился с предложением Шмидта³ и, вероятно, одобрил его. Во всяком случае, 13 марта в подписанном им оперативном приказе № 5, излагавшем суть предстоявшей Вермахту летней кампании⁴, задачи 2А формулировались уже в соответствии с соображениями Шмидта: её основным силам следовало включиться в наступление на Курск на втором этапе.

Затем Гитлер переключился на новую идею, решив до начала «Цитадели» провести в полосе ГА «Юг» ещё одну, частную операцию. Между тем большинство генералов и фельдмаршалов, с которыми он делился своими мыслями, осознавали, что успешно провести сразу два довольно крупных последовательных наступления Вермахт уже не в состоянии. Поэтому с конца марта и весь апрель они развивали различные варианты одной наступательной операции, опираясь на всё те же «клещи» Шмидта.

К весне 1943 г. соединения ГА «Центр», особенно на её правом (южном) крыле были обескровлены значительно больше, чем ГА «Юг», которая перед февральским контрударом на Украине получила из Германии серьёзное усиление. Командующий фельдмаршал Г. фон Клюге опасался, что в ходе прорыва его ударной группировки к Курску с севера Красная армия сумеет оперативно укрепить это направление крупными резервами. Поэтому для того, чтобы быстро преодолеть оборону Центрального фронта и в кратчайший срок замкнуть окружение (на это отводилось не более четырёх суток) Центрального и Воронежского фронтов, Клюге пытался найти способ уже на начальном этапе «Цитадели» задействовать не только 9А генерал-полковника В. Моделя, на основе которой создавалась наступательная группировка ГА «Центр», но и в той или иной степени все свои армии, находившиеся в районе Курской дуги. В результате в первом варианте плана наступления ГА «Центр», подготовленном во второй половине марта, он собирался в начале операции поддержать силами 2А прорыв к Курску групп армий «Центр» и «Юг». В связи с этим штабу Вайса поручалось проработать возможность в первые дни «Цитадели» одновременно нанести удар 13 ак — на Льгов (по 60А Центрального фронта), а 7 ак — в направлении Суджи (по позициям 38А Воронежского фронта).

Однако Вайс считал это трудновыполнимым. 27 марта он направил в штаб группы письмо, в котором, видимо, впервые официально предложил поставить перед 2А на первом этапе «Цитадели», т.е. при прорыве обороны Центрального и Воронежского фронтов, задачу связать боем все советские войска в западной части Курской дуги. «Противник, — рассуждал генерал, — должен рассчитывать на весеннее немецкое наступление в районе Курска. А мы должны считаться с тем, что он попытается предотвратить наше наступление любыми силами. Есть множество признаков подтягивания сил к району Харькова и маршей, и переброски сил через Курск на юг, подтягивания новой армии восточнее Харькова и авиации в районы вокруг Харькова. Всё это может говорить о том, что русские попытаются начать наступление до начала нашего. В этом случае будет зацеплено правое крыло 2-й армии. Там стоит 52-й корпус на чрезмерно

³ Подробнее см.: Замулин В.Н. Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Кн. 1. М., 2018. С. 228–230.

⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 499–502.

растянутом фронте без резервов. Армейских резервов нет, а резерв группы армий находится далеко»⁵.

Вайс исходил из того, что «задача армии в запланированном нами наступлении: связать имеющиеся перед ней силы противника и в атаке ударными группами захватить ключевые пункты Суджа и Льгов». Однако он предвидел, что «до начала наступления быстро окапывающийся противник будет уже глубоко и прочно в земле. Следовательно, атаки не будут лёгкими, даже слабыми армейскими средствами противник нанесёт атакующей пехоте очень большие потери». Ожидалось, что «особенно сложным будет удар по Льгову»: «Фронтальный удар из района Рыльского потребует двойную переправу через широкий и глубокий Сейм у Рыльского и у Льгова. В связи с широкими болотистыми районами восточнее Рыльского и с учётом возвышающегося положения Льгова возникают дополнительные проблемы. Также в связи с нехваткой материала для переправ армии такая атака выглядит малоперспективной. Обход с севера Сейма также ведёт к сложностям, к районам болотистым, с плохими дорогами, и обещает очень медленное продвижение»⁶. Казалось, что «для захвата Суджи условия значительно выгоднее», и «в связи с этим армия просит отменить атаку на Льгов и большими сосредоточенными силами, широким фронтом выступить на Суджу».

Как утверждал Вайс, «такое решение даёт следующие преимущества: 1. Сосредоточение всех небольших атакующих средств армии уменьшает потери. 2. Только сосредоточением всех сил можно обеспечить прорыв в наступлении. 3. После начала ледохода армия на фронте Сейма может снять одну дивизию для выступления южнее Сум, чтобы в кратчайшее время, до начала наступления, на правом крыле был создан быстро доступный армейский резерв. 4. При подготовке плана быстрого продвижения на Суджу сильной группой армия может заранее значительно лучше просчитать условия, чем при медленном продвижении двумя слабыми атакующими группами на Суджу и Льгов»⁷.

Генерал также надеялся на то, что «в ходе нашего наступления должен сработать эффект неожиданности, благодаря ему 2-я армия свяжет вражеские силы». «Однако, — отмечал он, — этого можно достигнуть с большей уверенностью, если организовать отвлекающие мероприятия»⁸. По сути, для маскировки следовало осуществить стандартный набор мероприятий, проводившихся перед каждой крупной наступательной операцией: строительство ложных аэродромов, карательные акции для очистки тыла от враждебных элементов, имитация переброски по железной дороге большой массы солдат и марши к фронту в дневное время воинских частей, штурмовых и самоходных орудий, радиопрограммы войсковых штабов, распространение агентами спецслужб ложных слухов, нанесение ложных тактических опознавательных знаков на технику 2А с целью имитации прибытия новых соединений, пристрелка артиллерийских орудий на участках, где активных боевых действий проводить не предполагалось, и т.п.

Кроме того, для повышения гарантии успеха обоим корпусам надлежало начать атаку не в первый день «Цитадели», а через 24 или даже 36 часов после перехода к активным действиям ударных группировок ГА «Центр» и «Юг».

⁵ ВА-МА, RH. 20—2/677, S. 14, 15 (здесь и далее перевод документов немецкого командования выполнен мной. — В.З.).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

Обосновывалось это тем, что «до того момента, как командование противника оценит размер основного наступления, пройдет 6 часов, до того момента, как начнут действовать новые приказы в его частях, пройдут ещё 12 часов, до того момента, как войска, собранные перед 2-й армией, перестанут быть готовыми к удару, пройдет 24–36 часов, и если 2-я армия успешно ударит, есть обоснованная надежда, что отправленные маршем резервы русских не вернуться, а для того, чтобы повлиять на фронте общего наступления, в любом случае они прибдут слишком поздно, в то время как армии выполнение задачи будет значительно облегчено»⁹.

Хотя Вайс, предлагая скорректировать поставленную перед ним задачу, указывал прежде всего на особенности местности, командование ГА «Центр» понимало, что ключевой проблемой армии являлась слабость (низкая укомплектованность личным составом и вооружением) её соединений, особенно 13 ак, и расстояние между двумя направлениями, по которым планировалось наступать. Оно превышало 60 км, и в случае упорного сопротивления советских войск ни один из немецких корпусов не мог рассчитывать на поддержку другим, но каждый из них, атакуя, подставлял под удар свои слабо прикрытые фланги, что грозило им разгромом поодиночке.

В Генеральном штабе Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) стремились уменьшить полосу обороны 2А и 3 апреля решили передать её 52 ак вместе с занятым им рубежом обороны из ГА «Центр» в ГА «Юг». Эта мера обсуждалась ещё до письма Вайса, но так как 52 ак в зимних боях 1942/43 гг. понёс большие потери, в журнале боевых действий ГА «Юг» 26 марта говорилось, что «Манштейн отклонил предложение по перемещению границы между группами армий до Краснополя, поскольку увеличение фронта группы армий на 75 км увеличит количество её сил всего на одну полную дивизию или на две дивизии численностью с полк»¹⁰. Однако Берлин к мнению фельдмаршала не прислушался. Ситуация в армии Вайса оставалась крайне тяжёлой, и хоть как-то выправить её без переброски существенного пополнения, в условиях, когда почти все резервы направлялись для восстановления дивизий главных ударных группировок, не представлялось возможным. В результате же переподчинения 52 ак протяжённость полосы 2А сократилась примерно до 200 км (около 32 км на одну пехотную дивизию). Это по-прежнему заметно превышало нормы, принятые в Вермахте, особенно для дивизий неполного состава. Но такое положение в ОКХ рассматривалось уже как вполне терпимое. По данным Абвера, иные советские соединения, находившиеся перед 2А, также обладали лишь третьей боевого состава. Именно на это и делали ставку ОКХ и командование ГА «Центр» при планировании наступления войск Вайса: сильный удар предполагалось нанести на узком участке Центрального и Воронежского фронтов, ещё не подготовивших там прочную систему обороны.

Вместе с тем следует учитывать, что, к примеру, 13 ак генерала пехоты Ф. Зибера из-за очень высоких потерь в зимних боях нуждался в усилении даже для решения минимальных задач обороны. При попытке нанести удар одновременно с 7 ак генерала артиллерии Э. Хелля его скромные силы и огневые возможности могли серьёзно осложнить наступление, тогда как синхронность действий считалась (наряду с внезапностью и слабостью советских частей) од-

⁹ Ibid., S. 16.

¹⁰ Ibid., S. 91.

ним из ключевых факторов успеха операции «Витамин А и Б». На 17 апреля корпус Зиберта располагал тремя пехотными дивизиями (пд) (8480 солдат), которые удерживали полосу в 105 км. Это был очень низкий показатель плотности живой силы (84 солдата на 1 км). К тому же корпус остро нуждался в тяжёлом стрелковом и артиллерийском вооружении, а также в замене устаревших образцов. Всего в нём числилось: 904 лёгких (9 на 1 км) и 156 тяжёлых (1,5 на 1 км) пулемётов, 58 лёгких (1 на 2 км) и 27 тяжёлых полевых гаубиц¹¹ (1 на 4 км). Имелось ещё 20 старых австрийских полевых орудий «300», дальность стрельбы которых достигала 5,6 км, но при открытии огня на 4 км хвосты их лафетов приходилось вкапывать в землю и после каждого выстрела заново наводить ствол на цель. Быстро поставить с их помощью заградительный огонь было невозможно. При этом всё стрелковое вооружение, и прежде всего пулемёты, находилось в неудовлетворительном состоянии из-за нехватки жира и машинного масла для обслуживания и чистки. В материалах штаба корпуса отмечалось, что «в последнее время в связи с заклиниванием пулемётов многократно создавались неприятные ситуации»¹².

Слаженность и взаимодействие частей и подразделений корпуса оставляли желать лучшего. Из трёх своих дивизий две Зиберт признавал слабыми, а одну — средней. Согласно его оценке, «327-я пехотная дивизия, которая хорошо оснащена кадрово и материально, показала, что до сих пор находится ниже среднего уровня боеспособности восточных дивизий в связи с длительным её использованием во Франции». Между тем «проверка 340-й пехотной дивизии показала две больших проблемы: а) проблема, выросшая из состава бывшей дивизии Райнгольда; б) ситуация, в которой остатки двух не самых лучших дивизий собраны вместе». По наблюдениям генерала, «непосредственно бои последней зимы доказали, что дивизии с номерами между 300 и 400 собраны не очень хорошо, поскольку при их формировании было недостаточно качественных офицеров и унтер-офицеров». И только «82-я пехотная дивизия сама по себе неплоха, но из-за тяжёлых потерь зимой сильно потеряла в старом персонале, и её ударная сила серьёзно снизилась. Пополнение (в основном из резервистов) по качеству несравнимо с унтер-офицерами и солдатами, потерянными в зимней кампании»¹³.

Подводя итог, Зиберт констатировал: «В данный момент, имея малые силы, но перед слабым противником, корпус в состоянии выполнить оборонительную задачу. В качестве преимущества можно считать то, что южная часть участка корпуса удачно расположена на местности, в то время как средний и северный участок местами удобнее для противника. Однако в случае проведения противником сильной атаки, особенно при использовании танков, корпус в нынешнем его состоянии не сможет предотвратить прорыв и, в связи с широким фронтом и нехваткой сил, не сможет занять новую линию обороны... Корпус не может создать резерв, который в случае прорыва противника будет в состоянии организовать контратаку для зачистки прорыва. Для этого нужно вывести как минимум один гренадерский полк. Есть острая необходимость и в усилении артиллерии корпуса, чтобы хотя бы компенсировать нехватку его боевой силы»¹⁴.

¹¹ В том числе восемь французских старой модели.

¹² BA-MA, RH. 20–2/677, S. 91.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

Тем не менее для советского командования любые планы использования 2А на первом этапе наступления на Курск являлись очень опасными, так как она располагалась перед смежными флангами Центрального и Воронежского фронтов, а стыки любых формирований всегда представлялись наиболее удобным для прорыва местом. Более того, весной основные средства усиления первого эшелона и оперативные резервы сосредоточивались у оснований Курской дуги, где ожидалось наступление Вермахта¹⁵. Остальные же рубежи обороны, хотя и укреплялись, но воспринимались скорее как районы, откуда при угрозе прорыва можно будет снять какие-то части. Собственно именно для того, чтобы помешать штабам Рокоссовского и Ватутина перебрасывать войска с неатакованных участков, и предполагалось задействовать план «Витамин А и Б» в первые дни операции «Цитадель». Безусловно, в критический момент и Рокоссовский, и Ватутин изымали бы людей с флангов даже в том случае, если бы операции «Цитадель» и «Витамин А и Б» начались одновременно. Однако делали бы они это не сразу, а потратив драгоценное время на оценку масштаба ударов и анализ вероятности подвода Вайсом новых резервов. Расчёт делался на то, что при любом развитии событий после перехода корпусов 2А в наступление, на ольховатско-поныровское и обоянско-прохоровское направления, где по замыслу «Цитадели» планировалось нанести главный удар, подкрепление с обоих фронтов прибыли бы с опозданием.

В штабе 2А в апреле 1943 г. адекватно оценивали боееспособность противостоявших ей 38-й и 60-й армий. В ходе зимнего наступления (при окружении основных сил ГА «Б» у Касторного и Горшечного, освобождении Курска и населённых пунктов западнее его) их соединения понесли существенные потери. В конце марта, при стабилизации фронта в этом районе, их возможности были соизмеримы с потенциалом дивизий 2А. Так, 60А генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского имела к 30 марта высокую степень укомплектованности (всего 55223 человек, в том числе в боевом составе — 44024), но в её 112-й стрелковой дивизии (сд) и 129-й отдельной стрелковой бригаде (осбр), по рубежу которых готовился удар 13 ак, числилось только 5402 и 2507 военнослужащих (боевой состав — 3424 и 1973 человек соответственно). А единственная танковая бригада (подвижной резерв командарма) включала лишь 29 боевых машин (55% штата)¹⁶.

Похожая ситуация наблюдалась и в 38А генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова, которая удерживала линию Снагость—Успенка—Водолаги—Новая Сечь—Буриловка—Стрелки—Самотоевка—Клиники¹⁷. 5 апреля её боевой состав достигал 34260 человек (четыре сд и одна осбр), но в 167-й и 180-й стрелковых дивизиях, прикрывавших с 17 апреля суджанское направление (где предполагалось наступление 7 ак) служило 4364 и 2087 бойцов. В 7-й истребительной бригаде, развёрнутой непосредственно перед Суджей, в наличии оказалось 6 миномётов, 18 орудий и 66 противотанковых ружей (около 50% от положенной численности)¹⁸.

Поэтому командование ГА «Центр» продолжало настаивать на использовании 2А на первом этапе наступления на Курск. 27 апреля штаб группы со-

¹⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15(4–4). М., 1997. С. 18.

¹⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО РФ), ф. 62, оп. 325, д. 4, л. 103.

¹⁷ Там же, ф. 445, оп. 9005, д. 108, л. 13 об.

¹⁸ Там же, ф. 203, оп. 2870, д. 37, л. 303.

общил Вайсу, что «фюрер поддержал планы операции “Цитадель”¹⁹. Впрочем, пережив провалы «Барбароссы» и «Тайфуна», окружения в Сталинграде и западнее Воронежа, непосредственные исполнители приказов Берлина уже не питали к ним особого доверия и прямо указывали на их нереалистичность и даже опасность в сложившихся условиях.

Вечером 28 апреля, т.е. через сутки после получения известия о том, что «Цитадель» с большой долей вероятности начнётся в начале мая, Вайс отправил в группу армий письмо, в котором вновь напомнил о низкой боеготовности 13 ак. Генерал не подвергал сомнению необходимость участия 2А в операции и хорошо понимал его значение. Но он явно предвидел неудачу и не желал нести за неё ответственность. «Атака 13-го армейского корпуса предполагалась и возможна только как дополнительный удар с целью захвата Льгова, — отмечал Вайс, — а не для связывания вражеских сил в начале операции». Он полагал, что «южная часть “клещей” наступления (удар 7 ак на Суджу. — В.З.)... должна захватывать территорию быстрее, чем северная (13 ак. — В.З.)». Соответственно «вражеская группа у Суджи в связи с этим вынуждена будет смещаться на северо-восток и западнее и у Льгова, возможно, основательно и надолго закрепится. Кроме того, помимо передовой линии, противником уже сейчас восточнее участка р. Свапа организованы хорошо оборудованные позиции». Вайс настаивал на том, что «удар по Льгову обещает решающий успех, только если в нём будет участвовать весь собранный 13 армейский корпус». Между тем его «армия на основании поставленной задачи собрала все свои немногочисленные боевые средства и 327-ю пехотную дивизию для сковывающего удара по Судже. 13-му армейскому корпусу на 90-километровом фронте остались только не полностью укомплектованные 340-я и 82-я пехотные дивизии и пока ещё один гренадерский полк 327-й пехотной дивизии, который должен уйти в направлении Суджи. 340-я и 82-я пехотные дивизии по оснащению пехотным вооружением и особенно артиллерией для тяжёлого наступления не пригодны. Если их отправить против обороны, где передовая линия (первая армейская полоса 60А на льговском направлении. — В.З.) полностью занята противником, они понесут тяжёлые потери и сил для решающей атаки на Льгов иметь уже не будут. Сбор же (сосредоточение для удара. — В.З.) всего 13-го армейского корпуса открывает весь его фронт, а это, непосредственно перед началом наступления, очень серьёзный риск»²⁰.

Стараясь хоть как-то облегчить положение Зиберта, Вайс ставил перед командованием вопрос: «Когда его ударная группировка должна перейти в атаку?». Согласно оперативному приказу № 6, отданному Гитлером 15 апреля, группы армий «Центр» и «Юг» должны были приступить к реализации «Цитадели» 3 мая, а корпусам 2А предстояло двинуться вперёд на третьи сутки после этого. Но в этом случае для марша в район нанесения удара основные силы 13 ак следовало отвести из полосы обороны, протяжённостью почти в 100 км, в ночь на 3 мая, а это позволяло бы советским войскам перехватить инициативу на ослабленном рубеже. Поэтому Вайс добился согласия отложить сосредоточение его корпусов до ночи на 5 мая, а активные действия 13 ак — до второй половины 7 мая, т.е. на сутки позже первоначальной даты²¹.

¹⁹ BA-MA, RH. 20–2/677, S. 104.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

К тому времени руководство ГА «Центр» стало дистанцироваться от «Цитадели», ответственным за проведение которой Гитлер назначил не Клюге, а подчинённого тому командующего 9А Моделя. Давно уже крайне натянутые отношения этих военачальников ещё больше осложнили подготовку операции. Во второй половине апреля выяснилось, что 9А к ней не готова, и Модель, отличавшийся жёстким характером, настойчиво убеждал ОКХ отложить наступление до середины мая. 24 апреля он отправил в Берлин письмо, обрисовав плачевное состояние армии и наметив пути его улучшения. Это вынудило Гитлера созвать 4 мая совещание и по его итогам определить вторую дату начала «Цитадели» — 12 июня. Но затем и её пришлось изменить. Поэтому вопросы, волновавшие Вайса, на какое-то время утратили свою остроту. Впрочем, и в мае, и в июне ни ГА, ни ОКХ даже не обещали пополнения 2А. Тем не менее её командование, судя по материалам штаба, всё это время демонстрировало веру в успех, выражая обеспокоенность лишь слабостью своих ресурсов как для обороны, так и для наступления. А ведь у большинства генералов и фельдмаршалов, войскам которых предстояло участвовать в «Цитадели», её вынужденная отсрочка уже в мае вызвала тревогу, через месяц же возможность достижения намеченных целей оценивалась ими ещё более скептически.

Позицию Вайса и его штаба помогает понять письмо, отправленное из оперативного отдела армии 16 июня²². При составлении его текста, по-видимому, решались две очень сложные задачи. Во-первых, в нём перечислялись и конкретизировались большие проблемы, связанные с реализацией планов «Витамин А и Б», и указывалось на непредсказуемость их влияния на общий ход операции. Во-вторых, дабы не вызвать гнев Берлина, говорилось про активную работу по подготовке к исполнению полученных директив. В первой части письма вполне объективно характеризовались скромные возможности 2А и высоко оценивалась возросшая мощь сосредоточенных под Курском советских войск. Особое внимание уделялось возведению новой полосы обороны протяжённостью в несколько сот километров после ликвидации Курского выступа (эта задача возлагалась именно на Вайса и его солдат, но никак не раскрывалась в указаниях, поступавших от ОКХ или ГА «Центр»). Всё это должно было свидетельствовать об объективности и дальновидности авторов документа, а также об их уверенности в победе.

Вместе с тем они вновь заставляли задуматься о том, насколько целесообразны в сложившихся условиях те или иные решения. «Отсрочка проведения „Цитадели“, — отмечалось в письме, — дала повод для следующей оценки ситуации. Наступление будет проводиться против готового к обороне противника на хорошо укреплённых глубоко эшелонированных позициях с очень сильными оперативными резервами. Это будет, несомненно, битва большего масштаба, чем обсуждалось месяц назад. „Цитадель“ затронет только малую часть вражеского фронта. Надо рассчитывать на то, что противник после нашего удачного первого удара использует силы из оперативных резервов и тех частей фронта, которые не затронуты, для проведения контрнаступления. Следующее за этим оборонительное сражение противник, по прежнему опыту, может продолжать долго, вероятно, даже месяца два. Укреплению новой полосы фронта также будут постоянно мешать боевые действия». Между тем «армия на её сегодняшних позициях активно строила оборону три с половиной месяца. И только сейчас,

²² Ibid., S. 138, 139.

несмотря на использование всех возможных сил и средств, на этих позициях начато противотанковое укрепление. Даже на переднем крае линии обороны ещё очень много работы. Прикрывающие артиллерийские позиции и вторые позиции войск находятся пока только в планах. Строительство оборонительных укреплений также ещё не начато». Соответственно «для укрепления вновь захваченных (в ходе наступления. — В.З.) позиций надо уже сейчас запланировать строительство необходимой железной дороги до Курска, которое также займёт не меньше месяца. На участке будущих позиций есть только редкие и плохие леса. Они в течение последних двух лет очень активно использовались для строительства и отопления. В основном строительное дерево должно будет привозиться по железной дороге или автотранспортом. С началом боёв русские отведут население из вновь захваченных районов в большом масштабе. Поэтому при сборе рабочей силы мы столкнёмся с большим недостатком рабочих»²³. Предвидя подобные трудности, Вайс просил командование ГА «Центр» предоставить ему строительные части и штабы, немедленно приступить к переброске в тыл 2А мин, колючей проволоки и строевого дерева, горючего и автотранспорта, запланировать нанесение сильных ударов перед намеченным передним краем будущей обороны, дабы не допустить советских атак и обеспечить бесперебойную работу строителей.

В завершающем же абзаце письма прямо говорилось, что «при дальнейшем смещении сроков “Цитадели” надо будет обдумать вопрос: не станет ли сокращение фронта (являвшееся одной из важнейших целей операции. — В.З.) вместо преимущества недостатком, вынуждающим армию встретить зиму на недостаточно оборудованной системе позиций, которую необходимо удерживать. По мнению армии, операция “Цитадель” совершенно необходимо провести не позднее начала июля»²⁴.

Судя по материалам штаба 2А, сохранившимся в Бундесархиве, внятного ответа на это письмо не последовало вплоть до начала боёв. Но уже 17 июня из ГА «Центр» поступила телефонограмма, сообщавшая, что приказ о переходе в наступление на Курск будет отдан ОКХ не за 11 суток, как это предполагалось ранее, а за восемь²⁵. Это чётко сигнализировало о том, что окончательное решение о сроках ключевой операции летней кампании 1943 г. всё ещё не принято.

Тем временем Зиберт, вероятно, опасавшийся ответственности за провал операции «Витамин А», 20 июня направил Вайсу письмо, в котором напомнил, что весенний план, предусматривавший фронтальный удар его корпуса по обе стороны села Гламаздино, способный сковать советские войска и помешать их переброске в район южнее Орла или севернее Белгорода, имел смысл постольку, поскольку предполагалось действовать против обескровленных частей, занимающих слабую линию обороны. Но с тех пор многое изменилось: «Противник по всему фронту, в особенности на участке планируемого наступления у Гламаздино, свои позиции укрепил исключительно сильно». Как пояснял генерал, «речь не только об участках непосредственно перед корпусом, но теперь, в отличие от тогдашней ситуации, укрепления идут далеко вглубь фронта. Как хорошо видно на аэрофотосъёмке, на линии в 7 км в глубину от первой линии

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., S. 140.

противник организовал удобные позиции, которые, без сомнения, с началом нашего наступления будут заняты усиливающимися большими резервами. Вопреки тем выводам, которые были сделаны ранее, на основе условий, говорящих о том, что масса корпуса одним ударом сможет продвинуться до Свапы, сейчас надо рассчитывать на то, что после прорыва хорошо оборудованной и сильно минированной первой линии обороны корпус упрётся во вторую линию обороны на хорошо оборудованных позициях. Прорвать эти позиции, в связи со слабой боеспособностью корпуса, будет очень сложно. Кроме того, нужно учесть, что южнее корпуса находится не связанный боевыми действиями противник — опять-таки в отличие от прежних предположений, — он на нынешнем этапе, с большой вероятностью, ударит в южный фланг атакующего корпуса и остановит его ещё до достижения второй линии обороны. Резервы для встречи с ним выделены быть не могут. Таким образом, корпус считает, что в нынешних изменившихся реалиях нужно выждать, пока будет выношено правильное решение»²⁶.

Со своей стороны, Зиберт очертил два варианта участия 13 ак в наступлении, но уже на второй его фазе. Он допускал, что при возникновении угрозы окружения Центрального и Воронежского фронтов Москва ответит сильным контрударом по флангам группировок 9А и 4ТА, нацеленным на соединение восточнее Курска. Одновременно с этим войска 60А, расположенные между Сумами и Севском (т.е. перед 2А), получают задачу удерживать фронт для развёртывания здесь оперативного танкового резерва и последующего нанесения удара на запад. При таком развитии событий наступление 13 ак в начале операции на узком фронте двумя дивизиями окажется безрезультатным, и к тому же возникнет слабо прикрытый участок в 100 км между ним и 7 ак. И тогда советское командование, располагающее большими силами, в том числе и танковыми частями в потенциальном «котле» на Курской дуге, наверняка попытается разбить выдвинувшийся вперёд 13 ак и воспользуется уязвимостью оснований его боевого клина. «В этом случае, — утверждал Зиберт, — если даже весь наш фронт устоит, атака 13-го корпуса, даже успешная, будет “уколом иголки”»²⁷. Поэтому, по мнению командующего, его соединение принесло бы больше пользы, если бы при успехе «Цитадели» перед ним поставили лишь задачу предотвратить прорыв войск окружённых фронтов из «кольца» в Хинельские леса.

Вместе с тем он считал, что даже если первая фаза «Цитадели» закончится удачно, и новый фронт пройдёт примерно в районе линии железной дороги Харьков—Орёл, оказавшиеся на западной стороне «котла» части 60-й, 38-й и 40-й армий получают приказ упорно оборонять свои позиции, ожидая деблокирования и последующего броска на запад. И в этой ситуации 13 ак, с его скромными возможностями, атакуя, упрётся в мощную оборону противника, который даже из «котла» способен быстро прорвать слишком широкий фронт на обнажившихся при наступлении участках. Таким образом, признавалось, что в ходе «Цитадели» невозможно обеспечить единый рывок всей 2А. «В связи с этим, — писал Зиберт, — я считаю целесообразным при проведении наступательной операции корпус оставить на месте и подождать развития ситуации,

²⁶ Ibid., S. 141.

²⁷ Ibid., S. 142.

чтобы или выступить широким фронтом, или прикрывать западную часть “котла” от попыток прорыва»²⁸.

Данный вывод не мог удивить командование армии. Он опирался на очевидные доводы и законы оперативного искусства. Впоследствии именно эти объективные обстоятельства (мощь советской обороны, большие силы, собранные в Курской дуге) заставят ОКХ отказаться от активизации не только 13 ак, но и 7 ак, что в свою очередь окажет негативное влияние на исход наступления ГА «Юг» и прежде всего 4ТА генерал-полковника Г. Гота, атаковавшей на направлении главного удара.

Однако до конца июня обсуждение проблем, связанных с операциями «Витамин А и Б», не выходило за узкий круг офицеров и генералов 2А, ОКХ и ГА «Центр», занимавшихся планированием «Цитадели». Модель и Гот не знали о возникших сложностях и продолжали рассчитывать на помощь 2А. Лишь 27 июня из штаба Вайса в оперативные отделы их армий поступили секретные карты с замыслом операций «Витамин А и Б». Причём только командование 9А предупреждалось в сопроводительном письме о том, что «в связи со слабостью имеющихся в наличии частей [13-го] корпуса атака возможна только при удачном развитии ситуации, начало атаки будет указано только после этого»²⁹.

30 июня Вайс без возражений одобрил распоряжение командира 13 ак выделить для операции всего два усиленных полка. «Основанием для сокращения ударных сил вполтину, — пояснял Зиберт, — является предположение, что придётся рассчитывать на прорыв вражеских сил в направлении Хинельского леса (из окружения под Курском. — В.З.), а также на участке 340-й пехотной дивизии. Уже сейчас плотность фронта корпуса настолько низкая, что возникает сомнение, можно ли этими силами предотвратить концентрированный прорыв противника. Каждое последующее снятие частей на и без того исключительно растянутом фронте увеличивает шансы противника на успех. Командование корпуса считает, что оборонительный фронт нельзя ослаблять до тех пор, пока существует возможность вражеского прорыва. Когда эта опасность минует, возражений против сосредоточения сил для атаки через вражеские передовые позиции не останется. В этом случае правильным будет ударить сравнительно слабой группой — примерно как в описываемой операции запланировано — двумя усиленными полками, а остальные силы корпуса двинуть эшелонировано за острием удара»³⁰.

Таким образом, к началу летней кампании германское командование собиралось реализовать лишь вторую часть плана «Витамин А и Б» — поддержать действия ГА «Юг» силами 7 ак, который мог наступать, не опасаясь, что его боевой клин будет быстро обескровлен, а оборона прорвана контрударом советских войск. Ударные силы 7 ак должны были выдвигаться из полосы 88 пд (перед 38А Воронежского фронта). Четырём усиленным полковым группам (двум от 26 пд и по одной — от 75 пд и 88 пд) следовало развернуться в районе села Хотень и занять линию Хотень—Локня—Суджа. Северное крыло прикрывала бы 327 пд, которая подчинялась непосредственно командованию 2А, а южное — 323 пд. Роль подвижного резерва возлагалась на 559-й и 616-й противотанковые дивизионы, укомплектованные лёгкими самоходными артуста-

²⁸ Ibid., S. 144.

²⁹ Ibid., S. 162.

³⁰ Ibid., страница без пагинации.

новками «Мардер-II». Атаковать надлежало не ранее чем через 48 часов после начала наступления ГА «Юг»³¹.

Боевой клин 13 ак (части 82 и 340 пд) из района сёл Михайловка и Ольховка (10 км восточнее села Амонь) направлялся на захват рубежа Сковороднево—Нижнее Песочное—Красная Слобода (южнее г. Дмитров-Льговский). Поскольку части всех этих дивизий находились на значительном расстоянии от указанных районов, уже 25 июня началась их перегруппировка³². Ещё раньше, 23 июня, штаб 2А обратился в ГА «Центр» с просьбой передать в её разведгруппу эскадрилью истребителей «Мессершмидт-109»³³.

А 24 июня командование 7 ак запросило помощь у армии: «1. Крайне желательно предоставить корпусу в подчинение третью тяжёлую зенитную батарею, поскольку кроме необходимости защиты от русского превосходства в воздухе в районе наступления сохраняется задача прикрытия в районе Сум. 2. Для успешной аэроразведки и активных действий артиллерии с наблюдением с воздуха, а также для прикрытия атакующих групп от налётов противника командование считает необходимым наличие истребителей. Также остаётся желательным использование боевых машин, как минимум истребителей-бомбардировщиков. 3. Для утра атаки запрошен старт двух самолётов — артиллерийских наводчиков. 4. Необходимо сформировать представление об общей обстановке на основании аэрофотосъёмки полосы наступления как можно позднее, насколько это возможно. В связи с этим просьба, чтобы фотографии к вечеру второго дня или же ночью уже были в руках штаба корпуса. 5. В рамках приказанных мероприятий по маскировке на участке 68-й пехотной дивизии (севернее линии Ободы—Сергеевка—Кульбаки) за несколько дней до начала наступления просьба провести усиленную разведку с воздуха лежащих напротив районов противника. 6. Желателен скрытый контроль перемещений нашей артиллерии со стороны воздушной разведки на предмет ошибок и недостатков маскировки. 7. 47-й батальон телефонной связи сейчас укомплектован только шестью кабельными группами. Этого не хватит для управления наступлением. У нас есть персонал и оборудование для ещё пяти групп, но нет машин. Командование просит на время наступательной операции поставить ещё 10 грузовых машин. 8. Командование корпуса просит предоставить переносные средства для рытья окопов. Дивизии в среднем располагают всего 10—15% от нормы такого оснащения. Качественное вкапывание атакующей группы в процессе боя в связи с этим невозможно. Результатом может стать значительное увеличение потерь»³⁴.

1 июля Вайс и три других командующих армиями, которым предстояло участвовать в операции (Гот, Модель и генерал танковых войск В. Кемпф), а также руководство групп армий «Центр» и «Юг» прибыли в Ставку Гитлера, где в 21 ч. состоялось последнее совещание перед началом «Цитадели». Фюрер подтвердил решимость реализовать её план в полном объёме и выразил уверенность в её успехе. На следующий день Вайс вернулся в штаб-квартиру армии в Конотопе. А 5 июля развернулось последнее стратегическое наступление Вермахта на востоке. Основная роль при этом отводилась ГА «Юг», которой предстояло пройти примерно 125 км до предполагаемого рубежа встречи с вой-

³¹ Ibid., S. 26 (карта).

³² Ibid., S. 147.

³³ Ibid., S. 159.

³⁴ Ibid., S. 161A.

сками 9А, преодолевавшей 75 км. Для прорыва обороны Воронежского фронта выделялось 11 пехотных, девять танковых и моторизованных дивизий.

Однако с первого же дня в журнале боевых действий 2А отмечалось, что «после первичной тактической внезапности противник усилил сопротивление». Уже «в 11.40 начальник штаба ГА “Центр” генерал-майор [Г.] Кребс по телефону спросил: может ли готовность 7 ак к маршу сохраняться несколько дней. Начальник оперативного отдела армии полковник [П.] фон дер Грёбен это подтвердил. Приказ на выступление в любом случае должен поступить за день до 13.00 по берлинскому времени»³⁵. В результате начало операции «Витамин А» перенесли на сутки (на 7 июля).

Между тем обстановка в полосе наступления ГА «Юг» развивалась далеко не так, как ожидали в Берлине. На главном направлении — у обоянского шоссе — 2-й танковый корпус (тк) СС 4ТА прорвал на всю глубину первую полосу обороны, но слева от него 48 тк 4ТА — самое сильное и многочисленное соединение Вермахта под Курском — увяз в тяжёлых боях с 6-й гвардейской армией (гв.А) генерал-лейтенанта И.М. Чистякова у хорошо укреплённых сёл Коровино и Черкасское, которым смог полностью овладеть лишь через сутки, к утру 6 июля, тогда как на это ему отводилось два часа. В ещё более сложном положении оказалась АГ «Кемпф», которой предписывалось прикрывать правое крыло 2 тк СС и 4ТА. Из-за упорного сопротивления 7 гв.А она не смогла ни прорвать главную полосу в двух районах, ни переправить через р. Северский Донец одну из трёх танковых дивизий. На севере Курской дуги армия Моделя тоже не добилась заметного успеха: к вечеру ей удалось вклиниться в оборону Центрального фронта примерно на 10 км, и тогда же стало понятно, что имевшимися силами развить этот тактический успех будет крайне сложно.

На следующий день ситуация кардинально не изменилась. Оборона обоих фронтов не рухнула даже там, где произошли прорывы. Советское командование умело блокировало бреши, быстро «обволакивало» ударные клинья противника резервами и заполняло новые позиции своими войсками. Утром 6 июля в полосе 4ТА в бой вступила 1ТА генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, ставшая «бронированным щитом» сразу на двух ключевых направлениях — обоянском и прохоровском. Благодаря стойкости и мужеству её бойцов и командиров и в этот день оба танковых корпуса Гота, несмотря на некоторое продвижение, не смогли создать сплошной фронт для решительного броска на Курск.

На вторые сутки операции 2 тк СС прошёл ещё 10–12 км, но обстановка в его полосе резко ухудшилась. Сильное, хорошо подготовленное соединение, отражая многочисленные танковые атаки, быстро теряло ударную мощь. Две его дивизии оказались зажаты в тисках советской обороны на прохоровском направлении, а третью не удалось сменить у обоянского шоссе частями 48 тк. Более того, эти корпуса потеряли локтевую связь и были вынуждены самостоятельно прикрывать свои фланги, выделяя на это немалые силы, которые ранее предполагалось использовать для главного удара. В результате уже к исходу вторых суток «Цитадели» им требовалось пополнение, и это существенно осложняло выполнение стоявших перед ними задач. К тому же АГ «Кемпф» так и не сумела прикрыть правое крыло 2 тк СС. Части обеих ударных группировок ГА «Юг» двигались с минимальной скоростью по расходящимся направлениям.

³⁵ National Archives and Records Administration (далее — NARA USA), t. 312, r. 1242, f. 583.

Поддерживать ГА «Юг» резервами ОКХ изначально не предполагал, и единственным способом помочь 4ТА в тот момент оставалось наступление 7 ак, который тем временем полностью завершил переброску и сосредоточение для реализации «Витамина Б»³⁶. Не подошла ещё лишь часть 327 пд, составлявшей оперативный резерв армии, но её артиллерия уже находилась на определённых ей огневых позициях³⁷.

Тем не менее в Берлине не спешили использовать эту возможность. 6 июля в 17 ч. 45 мин. по берлинскому времени (б.в.) генерал-лейтенант Кребс передал по телефону в оперотдел 2А распоряжение отложить удар 7 ак на 24 часа, до 8 июля³⁸. Столкнувшись с неожиданной стойкостью, проявленной войсками Воронежского фронта, полностью сорвавшими график «Цитадели» (4ТА за два дня преодолела лишь 25 из 72 км), германское командование опасалось израсходовать последний ресурс (2А) без всякой надежды что-либо кардинально изменить.

Но через сутки ситуация лишь обострилась, поскольку из-за упорного сопротивления 1ТА и 6 гв.А оба корпуса 4ТА продолжили топтаться на месте, а число исправных танков — основного средства прорыва обороны — таяло с каждым часом. Из 464 танков и штурмовых орудий, находившихся вечером 4 июля во 2 тк СС, к утру 8 июля на ходу осталось 306³⁹. Ещё более значительные потери нёс 48 тк. С 5 по 7 июля из 316 танков в его дивизии «Великая Германия» уцелело лишь 80, а в приданной ей 10-й бригаде к 6 июля из 204 новых «пантер» (Т-6) боеспособны были около 40⁴⁰.

И этим проблемы, с которыми Манштейн столкнулся на третьи сутки операции, не ограничивались. Из-за неспособности 9А пробить оборону Центрального фронта вечером 7 июля фельдмаршал получил из Берлина распоряжение: в 1-ю авиадивизию 6-го воздушного флота, поддерживавшего Моделя, передать значительную часть 8-го авиакорпуса, действовавшего в интересах 4ТА. «Это перемещение, — вспоминал его командир генерал Х. Зайдеман, — означало сокращение численности истребителей на 40%, на 50% уменьшение штурмовых частей и на 30% — сокращение численности бомбардировщиков 8-го авиакорпуса»⁴¹. Между тем в ночь на 8 июля Гот получил данные авиаразведки о подходе новых советских танковых соединений в полосу 2 тк СС⁴². При большом выходе из строя бронетехники и сокращении авиации резко возрастала роль артиллерии, но её в 4ТА изначально было мало, и она тоже несла потери.

Таким образом, уже на третий день «Цитадели» перед командующим 4ТА маячила угроза потерять в ближайшее время основную часть техники, застрять в тисках обороны Воронежского фронта, а затем, возможно, попасть в окружение. Поэтому Гот рассчитывал тогда, что 2А облегчит ему выход из столь сложного положения. Особенно его беспокоили действия 1ТА в излучине р. Пена и практически не использовавшаяся пока Ватутиным в боях 40А, нависавшая над левым крылом немецкой 4ТА. 7 июля Гот письменно просил Ман-

³⁶ Ibid., f. 585.

³⁷ Ibid., f. 586.

³⁸ Ibid., f. 585, 588.

³⁹ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943: statistical analysis. L.; Portland, 2000. Tabl. A6.4—6.6. P. 187, 188.

⁴⁰ NARA USA, t. 313, r. 369, f. 8655664.

⁴¹ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., 2006. С. 247.

⁴² Там же.

штейна убедить Берлин ускорить наступление Вайса в тыл 1ТА и 40А. Кроме того, Готу и Манштейну остро не хватало пехоты. Единственную относительно свободную 167 пд они пытались использовать как «пожарную команду». 7 июля у них впервые в ходе операции возникли существенные разногласия из-за того, на какой именно фланг её направить: на западный вдоль р. Пена — в 48 тк или на южный — во 2 тк СС. Гот хотел развернуть её на юге по р. Липовый Донец⁴³. Он надеялся, что Манштейн добьётся активизации 2А, которая усилит 48 тк, тогда как 2 тк СС, получив подкрепление, сможет овладеть станцией Прохоровка.

Однако ОКХ и Гитлер не видели благоприятных условий для удара 2А, и это мнение полностью разделяло руководство ГА «Центр». 7 июля в 9 ч. 30 мин. (б.в.) Клюге прибыл на командный пункт 2А для обсуждения сложившейся обстановки с Вайсом, Зибертом и Хеллем. Как отмечалось в журнале боевых действий, «командующий армией ознакомил [присутствовавших] с ситуацией, акцентировав внимание на том факте, что сосредоточение 13-го армейского корпуса для наступления продлится 3 дня. Также он доложил данные о положении противника и о том, что он не отвёл никаких частей... Армия считает, что противник, без сомнения, распознал наш план перейти в наступление. Поэтому он отведёт свои части в этом месте только при крайней необходимости. Этот момент может наступить, если контратаки противника провалятся и 4-я танковая армия приблизится к Обояни. В свою очередь фельдмаршал указал, что атака 7-го армейского корпуса должна быть проведена лишь в том случае, если противник отведёт силы. Он не видит оперативной пользы в атаке на Суджу. Эта точка зрения будет сегодня им доложена в Генеральном штабе сухопутных войск. Фельдмаршал планирует отдать новый приказ о рассредоточении 7-го армейского корпуса так, чтобы он имел на подготовку 48 часов. Запланированное наступление начнётся только по непосредственному приказу штаба группы армий»⁴⁴. После совещания в 15 ч. 30 мин. (б.в.) начальник оперативного отдела штаба ГА «Центр» полковник Х. фон Тресков известил по телефону начальника штаба 2А генерал-лейтенанта Г. Хартенека об отмене намечавшегося на 8 июля удара.

Однако в ГА «Юг» и 4ТА решение Клюге не одобряли и продолжали настаивать на реализации всего комплекса мер, включённых в план «Цитадель», в том числе на участии в операции 2А. Так как войска Манштейна всё же каждый день продвигались на 3–5 км вперёд, и Клюге, дабы не раздражать Берлин, распорядился имитировать активизацию 7 ак. Вечером 8 июля Вайс составил и отослал на утверждение в ГА «Центр» приказ, предписывающий Хеллю: на следующий же день силами 327 пд и САУ «Мардер-II» произвести демонстрацию в направлении села Викторовка. Осуществить её следовало, насколько позволяли артиллерийские возможности, одной или двумя большими ударными группами⁴⁵. Характерно, что согласование данной акции длилось пять суток, а исполнение началось, причём малыми силами, лишь 12 июля, когда наиболее удобный момент был упущен⁴⁶.

Гот всё это время не терял надежды и зывал к Берлину. К исходу пятых суток «Цитадели» и он, и Манштейн, наблюдая за упорным сопротивле-

⁴³ NARA USA, t. 313. r. 369. f. 8655663.

⁴⁴ Ibid., t. 312. r. 1242. f. 587, 588.

⁴⁵ Ibid., f. 588, 589.

⁴⁶ Ibid., f. 598.

нием войск Воронежского фронта на флангах прорыва 4ТА (излучина Пены, междуречье Северского Донца) и появлением частей 40А в районе сёл Восход и Дмитриевка, остро осознавали угрозу окружения всего боевого клина ГА «Юг». Устранить же её, как им казалось, могло проведение в полном объёме операции «Витамин Б». Больше других об этом твердил именно Гот. К утру 9 июля ударный клин 4ТА, глубоко войдя в оборону Воронежского фронта, по сути, увяз в огненном полукольце, теряя силы и время. Отмечая высокую активность советских танковых соединений, систематическое усиление рубежей перед его армией, конфигурацию фронта и данные разведки о подтягивании резервов с востока, генерал пришёл к выводу, что он может быть одновременно атакован с нескольких направлений силами, способными уничтожить 48 тк и 2 тк СС. Поэтому вечером 9 июля он связался с Манштейном и вновь просил его убедить ОКХ отправить 2А в тыл 1ТА и 40А. «Командующий армией, — говорилось в журнале боевых действий 4ТА, — высказал предложение о необходимости нанесения удара силами 2-й армии с целью добиться двустороннего охвата вражеских сил, угрожающих атакующему клину армии с запада. 9 июля было установлено нахождение в этом районе 161-й и 309-й стрелковых дивизий и нескольких отдельных танковых полков, которые сосредоточились преимущественно в районе Трефиловка—Дмитриевка и к северу от них. Таким образом, можно предполагать, что противник израсходовал большую часть своих тактических резервов, расположенных в районе Мирополья и к юго-востоку от него (перед фронтом 2-й армии), бросив их против западного фланга 4-й танковой армии. Командующий армией обратился с повторным письменным запросом к командующему группой армий об ускорении перехода в наступление 2-й армии. Письменного ответа на эту просьбу не пришло. Однако начальник штаба группы армий сообщил начальнику штаба 4-й танковой армии, что это обращение не имело успеха, поскольку высшая инстанция (Берлин. — В.З.) отдала приказ 2-й армии не ослаблять оборонительный фронт, имея перед собой сильного противника»⁴⁷.

Но действительно ли Вайс имел возможность нанести ощутимый урон Воронежскому фронту и хотя бы на время обезопасить левое крыло 4ТА? К исходу 6 июля центр обороны 6 гв.А (на восток, в сторону станции Прохоровка) был смят, её 23-й гвардейский стрелковый корпус разбит, а основные силы приданного ей 5 гв.тк с боями вырывались из окружения на прохоровском направлении. На правом фланге армии (в излучине Пены) оборонялись лишь две потрёпанные дивизии 22-го гвардейского стрелкового корпуса, оказавшиеся в очень тяжёлом положении. Поэтому в ночь на 7 июля Ватутин возложил ответственность за удержание позиций на обоянском и прохоровском направлениях на Катуюкова⁴⁸. Несмотря на дефицит сил и средств, он быстро организовал эффективную систему подвижной обороны по всему участку прорыва 4ТА, а перед стыком 48 тк и 2 тк СС создал мощный узел сопротивления. Командарм настолько удачно руководил действиями своей 1ТА, что вплоть до 10 июля 48 тк, атакующий вдоль обоянского шоссе (на левом фланге 2 тк СС), так и не преодолел вторую армейскую полосу обороны Воронежского фронта.

Однако армии Катуюкова и Чистякова быстро слабели. Между тем ещё 5 июля Ватутину пришлось ввести в бой все фронтовые резервы. В тот же

⁴⁷ Ibid., т. 313, г. 369, ф. 8655669.

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 335, оп. 5113, д. 208, л. 131.

день он начал переводить на обоянское и прохоровское направления части и соединения с дальнего правого фланга фронта, причём — именно из 38А, по которой собирался ударить 7 ак. С 5 по 9 июля её командование направило в 1ТА и 6 гв.А одну из шести имевшихся стрелковых дивизий, два из четырёх истребительно-противотанковых и один из двух миномётных полков, а также все танковые, реактивные, пушечные и гаубичные части и соединения⁴⁹. Это существенно ослабило оборону второго эшелона 38А, её резервы оказались исчерпаны, что лишало командарма возможности эффективно реагировать на серьёзные изменения в оперативной обстановке. Соседняя 40А в те же дни направила Катукову и Чистякову уже 12 из 15 частей и соединений, выведенных из её полосы за всё время Курской битвы, в том числе одну из дивизий второго эшелона⁵⁰.

Следует признать, что при планировании операций «Цитадель» и «Витамин Б» германское командование довольно точно определило критический для Воронежского фронта момент. Именно 7 июля, когда согласно первоначальному замыслу намечалось наступление 7 ак, Ватутин находился в наиболее сложном положении, поскольку все резервы у него уже отсутствовали, а полки, бригады и дивизии, переброшенные из 38-й и 40-й армий, находились ещё в пути. Следовательно, начало «Витамина Б» в тот день, при тесной координации действий 2А и 4ТА, могло отрицательно повлиять на упорную оборону обоянского направления, распылить силы и средства 1ТА и 6 гв.А, нанести им больший урон и отеснить их войска гораздо дальше, чем это удалось сделать. Руководство ГА «Центр» упустило этот момент. Одной из причин этого, вероятно, стали неточные данные «Абвера», представленные в том числе и руководству 2А. Переброска сил 38-й и 40-й армий успешно маскировалась, «Смерш» сумел нейтрализовать вражескую агентуру в этом районе. Поэтому в штабе 2А даже 10 июля считали, что его покинули лишь две бригады (танковая и истребительно-противотанковая)⁵¹, тогда как на обоянское и прохоровское направления отправились более 28 частей и соединений⁵².

Положение 1ТА и 6 гв.А в районе обоянского шоссе вновь стало критическим 9 июля, когда 4ТА Гота овладела Новосёлковкой (в 25 км южнее Обояни), а затем вышла к высоте 244.8, в 1,5 км севернее занятого села. Она располагалась на краю второй армейской полосы обороны фронта, который теперь могли в ближайшие часы прорвать на всю глубину. Дальше находилась тыловая полоса, имевшая окопную систему, блиндажи и площадки для орудий, но слабо прикрытая минными полями и иными противотанковыми заграждениями, а главное, не занятая войсками, способными выдержать удар танков.

Захват Новосёлковки являлся следствием острой нехватки людей и техники у командующих 1ТА и 6 гв.А. С раннего утра оба командарма не располагали резервами. Между тем во второй половине дня в том районе шли тяжелейшие бои, 48 тк и 8 ак методично перемалывали рубежи советских войск, державшихся из последних сил, несмотря на большие потери. Катуков с нетерпением ждал подхода войск, выделенных ему из 38-й и 40-й армий. Его штаб работал с предельным напряжением. Всё, что подходило к обоянскому шоссе — танки,

⁴⁹ Там же, ф. 445, оп. 9005, д. 108, л. 31 об.

⁵⁰ Цуканов Ф.И. Манёвр Воронежского фронта в оборонительной операции под Курском // Курская битва. М., 1970. С. 315.

⁵¹ NARA USA, t. 312, r. 1242, f. 594.

⁵² Цуканов Ф.И. Указ. соч. С. 315.

артиллерия, пехота, — сразу же направлялось к Новосёловке, дабы не допустить прорыва дивизии «Великая Германия» 48 тк к Обояни⁵³.

Обстановка на данном участке начала стабилизироваться лишь после 16 ч., когда командование 48 тк, получив донесение своей разведки, обнаружившей движение советских войск, в том числе и танков, в излучине Пены в северном направлении, ошибочно усмотрело в этом признак развала обороны Воронежского фронта на левом фланге 4ТА и развернуло туда от Новосёловки «Великую Германию». Это дало Катукову несколько бесценных часов для подтягивания резервов и укрепления позиций севернее села.

Удар 2А и в тот день мог привести, как минимум, к прорыву 4ТА на ближние подступы к Обояни. Однако этого не произошло, поскольку германская разведка по-прежнему не обладала точными данными о реальном положении 38-й, 40-й, 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Сказывалось и то, что командование 2А, не получив за три месяца подготовки операции необходимых ресурсов, не верило в способность своих корпусов достичь поставленных перед ними целей. Но особое значение имела стойкость обороняющихся, которая обескураживала врага. 9 июля в журнале боевых действий 2А констатировалось: «По всему фронту никаких признаков отступления противника. Перемещение резервов противника из района Суджи в восточном направлении возможно... В 17.00 начальник оперативного отдела группы армий полковник фон Тресков сообщил, что начало наступления переносится на день»⁵⁴.

Перед отводом войск ГА «Юг» на исходные позиции Манштейн начал планировать операцию «Роланд» — новый удар 2А навстречу основным силам 4ТА в направлении Суджи и южнее её. 13 июля фельдмаршал получил согласие фюрера на её реализацию, и уже на следующий день она обсуждалась при участии командования 2А на совещании в ГА «Центр». При этом начальник штаба армии Хартенек заявил, что даже после вывода из её состава 26 пд, она «сможет провести атаку с ограниченной целью двумя дивизиями (группировкой 7 ак, собранной для “Витамина Б”. — В.З.), но только при условии, что 4-я танковая армия нанесёт главный удар в направлении Суджи». Вместе с тем он полагал, что «необходимо очень быстро принять решение, поскольку в случае непроведения атаки нужно немедленно переходить к обороне»⁵⁵, т.е. рассредоточивать 7 ак.

Говоря о задачах, стоявших перед 2А в начале июля 1943 г., и об имевшихся у неё тогда возможностях, нельзя не задуматься о том, насколько оправданным было распределение сил Воронежского фронта при подготовке Курской оборонительной операции. Ещё в середине 1960-х гг. историки пытались понять, «чем объясняется, что, имея к началу оборонительного сражения численное превосходство над врагом как в людях, так и в технике, Воронежский фронт не смог наличными силами измотать и обескровить ударную группировку противника и остановить её наступление без привлечения новых сил?». На основании имевшихся у них в то время материалов создавалось впечатление, что «в отличие от Центрального, командование Воронежским фронтом не сумело точно определить, на каком направлении противник будет наносить главный удар. Оно рассредоточило усилия в полосе шириной 164 км, не массировало

⁵³ Замулин В.Н. Курский излом. М., 2020. С. 941, 944.

⁵⁴ NARA USA, t. 312, r. 1242, f. 592, 593.

⁵⁵ BA-MA, RH. 20-2/677, S. 22.

силы и средства на направлении главного удара врага»⁵⁶. Впрочем, это утверждение сразу же вызвало возражение со стороны бывшего представителя Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) на обоих фронтах под Курском маршала Советского Союза Г.К. Жукова, отметившего, что подобная «критика... командующего Воронежским фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина построена на неточном подсчёте плотности сил и средств в специфических условиях оперативно-стратегической обстановки»⁵⁷.

Между тем недавно рассекреченные документы армий первого стратегического эшелона Воронежского фронта, а также переписка его командования со Ставкой ВГК свидетельствуют о том, что Ватутин уже в начале апреля 1943 г. рассматривал направления Обоянь—Курск и Прохоровка—Скородное—Старый Оскол как наиболее вероятные для нанесения противником главного удара (по ним с 5 июля и двинулась ГА «Юг»), а вспомогательного наступления ожидал по линии Волчанск—Новый Оскол (стык Воронежского и Юго-Западного фронтов) и Суджа—Обоянь—Курск⁵⁸. Поэтому к началу июля левый фланг 7 гв.А, находившейся по соседству с 57А Юго-Западного фронта, существенно усилили две стрелковые дивизии, расположившиеся в два эшелона. Сделано это было не по инициативе Ватутина, а по приказу Жукова в ходе его инспекторской проверки во второй половине мая, причём без предоставления фронту дополнительных сил, что создало Ватутину и командующему 7 гв.А генерал-лейтенанту М.С. Шумилу массу проблем⁵⁹.

40А генерал-лейтенанта К.С. Москаленко также получила подкрепления, соизмеримые с выделенными для 6 гв.А, на которую, как и предполагалась, обрушилась 4ТА. И поскольку ни суджанское направление, ни стык фронтов атакам так и не подверглись, меры по обороне этих районов до сих пор иногда признаются чрезмерными и ошибочными⁶⁰.

Однако для того, чтобы лучше понять мотивы Ватутина, нужно обратить внимание на недавно рассекреченный доклад Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии (РУГШ), подготовленный 29 марта 1943 г. по распоряжению маршала Советского Союза А.М. Василевского для состоявшегося 12 апреля совещания, на котором при участии И.В. Сталина обсуждались перспективы летней кампании и было принято решение о переходе к обороне в районе Курской дуги⁶¹. В нём, в частности, допускалось, что Вермахт попытается окружить войска Центрального и Воронежского фронтов силами орловской и харьковской группировок при сковывающем ударе 2А в сторону Льгова и на фронте Севск—Сумы—Томаровка⁶². По сути, РУГШ не только верно спрогнозировало намерения Берлина, но и точно указало главное и вспомогательное направления предстоящего наступления.

⁵⁶ Великая Отечественная война 1941—1945. Краткая история. М., 1965. С. 244.

⁵⁷ Жуков Г.К. На Курской дуге // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 90. Впоследствии эти слова привели к полемике маршалов Жукова и Рокоссовского, написавшего письмо главному редактору журнала В.А. Мацуленко о численности немецких формирований, противостоявших Центральному и Воронежскому фронтам. См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 31.

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2777, д. 75, л. 121.

⁵⁹ Подробнее см.: Замулин В.Н. Забытое сражение Огненной дуги. М., 2009. С. 51—54.

⁶⁰ Исаев А. 1943-й. От Харькова до Курска. М., 2008. С. 193.

⁶¹ ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 11600, д. 1475, л. 4—7 об.

⁶² Там же, л. 6.

Скорее всего, именно на эти данные опирался Ватутин при разработке плана Курской оборонительной операции (и, в частности, при распределении сил фронта)⁶³, а Генеральный штаб — при проверке его расчётов перед представлением в Ставку ВГК. Тогда доведение сил 40А примерно до уровня 6 гв.А могло объясняться тем, что она располагалась между 38А, по обороне которой РУГШ ожидало вспомогательный удар противника, и 6 гв.А, где командующий фронтом предвидел наступление главных сил ГА «Юг». К тому же в докладе РУГШ не исключалось, что и сама 40А будет атакована. Поэтому ей предстояло не только удерживать свой рубеж, но и при необходимости оказывать помощь соседям — 38А и 6 гв.А, передавая им часть войск и нанося контрудары в их полосу⁶⁴.

Планирование операций «Витамин А и Б» свидетельствует о том, что решение использовать 2А в наступлении на Курск не осталось в первоначальных замыслах Берлина, а реализовывалось её командованием и было доведено к 5 июля до высочайшей степени готовности, вплоть до сосредоточения ударных группировок в исходных районах. На вторые сутки «Цитадели» Вайс мог в любой момент нанести удар в спину 1ТА и 6 гв.А, если бы их бойцы и командиры не удержали рубеж южнее Обояни. Соответственно и ошибки при распределении сил Ватутиным допущено не было. Решения основывались на приказах вышестоящего командования и материалах РУГШ, точность которых подтвердили как последующие события, так и трофейные документы. Главной же причиной срыва наступления 2А, задуманного как «удар в спину» армиям Центрального и Воронежского фронтов, стали стойкость их войск и профессионализм командования, перечеркнувшие многомесячные труды и надежды германских офицеров и генералов.

⁶³ Разведотдел штаба Воронежского фронта едва ли мог чем-то помочь командующему, так как до начала Курской битвы находился в тяжёлом состоянии: из-за неукomплектованности и низкой профессиональной подготовки личного состава в работе допускались ошибки, информации поступало мало, а её качество не отвечало минимальным требованиям. 29 июня, по требованию Ватутина, начальника фронтовой разведки отозвали в Москву, а на его место прислали нового офицера (*Зданович А.А.* Состояние органов разведки штабов фронтов и армий в период подготовки к Курской битве (апрель–июнь 1943 г.) // *Право и образование.* 2022. № 2. С. 88–98).

⁶⁴ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 520, л. 220.